

Станислав Буркин

СЭМ і ТОЧКА

Колониальный роман

Станислав Буркин

СЭМ і ТОЧКА.

Колониальный роман

«Издательские решения»

Буркин С.

СЭМ і ТОЧКА. Колониальный роман / С. Буркин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909091-1

В сибирском городе Томске в коттедже инженера-любителя Лимура Аркадьевича поселяется странный дворник Иван, который, по слухам, есть повторяющий подвиг старца Фёдора Кузьмича президент России. Главе семейства предстоит защитить свой привычный мир от различных сил, которые стараются использовать Ивана в своих интересах, а дворнику — стать тем, кто он есть на самом деле.* Рекомендовано национальной литературной премией «Лицей» имени Александра Пушкина

ISBN 978-5-44-909091-1

© Буркин С.
© Издательские решения

Содержание

Memento Sibiriam	6
Первая за происхождение человецы	7
Вторая за круговорот в природе яже суть	10
Третья за круги лекарския	14
Четвертая за накаления страстных	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

СЭМ і ТОЧКА

Колониальный роман

Станислав Буркин

мнимый соавтор Игорь Александрович Новиков
художник Ai Xiwen (Китай)

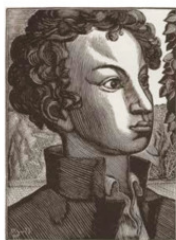
© Станислав Буркин, 2019

ISBN 978-5-4490-9091-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Memento Sibiriam

* Рекомендовано национальной литературной премией «Лицей»
имени Александра Пушкина: <http://pushkinprize.ru/2017/06/09/7496/>

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ

«ЛИЦЕЙ»

ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

ДЛЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

И ПОЭТОВ

Первая за происхождение человецы

Восемьсот тысяч лет назад один хомо эргастер, пытаясь заточить кремневый топор, нечаянно зажёл пучок сухого лишайника, топнул по нему ногой и продолжил точить топор. Сто тысяч лет назад его собрат, запутавшись в снастях, пришил свою собственную губу к рыбе. Пятьдесят тысяч лет назад, высасывая костный мозг, вдохновенный каннибал неожиданно получил завораживающий звук сродный дуновению ветра и птичьему пению. Пять дней дядя Мур паял и творил сваркой, разбрызгивая по верстаку звёзды.

Внешне детище походило на узел космической станции. Его чуткие инженерские пальцы то и дело оставляли рабочие инструменты и перехватывали инструменты канцелярские: карандаш, циркуль и линейку – чтобы внести найденные решения в эскизный проект чертежа. Он делал пометки так быстро и виртуозно, что иногда между мизинцем и безымянным пальцем у него оставался тонкий ювелирный автоген с пламенем направленным в сторону.

В качестве отдыха от серьёзных дел дядя собирал из рябой после снятия коррозии пищали пневматический самострел с газовым приводом.

– Стремена в саду откапывал, а вот такое чудо впервые, – сказал он, зыркнув на соседа алтайца как из аквариумов сильно увеличенными бледно-серыми глазами. – Давай, давай, не канителься! Зря пришёл что ли?

Наполовину забинтованным в кожу клинком сибирский индеец срезал широкую стружку с пармского окорока, висящего на бечёвке, и, втянув липкий запах благородной гнильцы, закусил ею дядюшкино произведение или воларицу, как сам Лимур ласково называл свой самогон. Следующую стружку шаман засунул в рот стоявшему рядом маленькому Ясиру в арафатке и подтяжках – управляющему кондитерским предприятием по кличке Цукер.

– Помню, сон у меня был, – жуя на одну сторону, продолжал дядя Мур. – Забиваю свиную голову в скороварку. Раз её! Ещё раз! Бью в пятак, а она, падла, скалится. Тут звонок в дверь. Спускаюсь вниз на пролёт, открываю, а там президент. Живой. Ну, когда это было? Лет пятнадцать назад. Помню, у меня прямо радость собачья к горлу, – поднял он к груди кулак. – Сказать хочу ему и не могу. Как-то пригласить. Какую-то речь. А слов нет. Только радость. Аж стыд берёт, – как обычно хитренько засмеялся он, – какая собачья радость. Наконец, говорю: как же так? Ко мне? И без охраны! Зайдёте, может? А он мне: спасибо, меня там ждут. Так хоть вниз вас провожу, говорю, а то там...

Ещё договаривая, он выбросил руку и бахнул в том сталинской энциклопедии.

– Убил бы чертей, которые его завалили, – сказал дядя, ковыряясь мизинцем в зубах. – Надо же было! Один раз человек такой попадается... Но и, как говорится, – грустно вздохнул он, – Иуд хватает.

– Ладно, Аркадич, – взялся утешать его равви Цукер, выколуывая пулю, остановившуюся точно на статье Данте. – Ушёл он красиво. Не дряхлел. По-царски ушёл.

– Сахарный мой, ты хорошо сказал.

– Если бы его завалили, сейчас бы канонизировали, – промямлил алтаец и налил дорогим разбойникам самогону. – Мощи его лизали бы, ноги в порфире целовали.

– Да ну тебя, неруся! – отмахнулся дядя.

Все ещё разок выпили, и индеец с предвкушением мощей аккуратно стянул пару рубиновых листиков с липкого итальянского окорока.

Три года назад вся страна сидела у телевизора и на кухне. Весь остальной мир поместился в интернете. Северокорейская трагедия! Завороженные чудом, мы все наблюдали медленную хорошо организованную процессию по Большой Пироговой улице Москвы – похороны погибших в результате покушения на второго, третьего, пятого и шестого президентов Российской Федерации. От подлости и неожиданности совершённого преступления у всего мира попросту

перехватило дыхание. Августейший был отравлен причастием во время праздничной литургии в ходе торжественных мероприятий в память о Крыме. Установить, кто именно из священнослужителей и в какой момент добавил яд в богослужбное вино, так и не удалось. Вместе с Верховным были отравлены все клирики и несколько десятков мирян.

Выжили лишь второй, третий, пятый и шестой президенты России. Остальные были похоронены на специально выделенном участке у стен Новодевичьего монастыря в Москве, расположившись рядами между его увенчанными огоньками пряничными башнями.

Ещё через месяц страна впервые после событий увидела своего лидера. Лицо его выглядело так, как может быть выглядело оно на самых первых выборах. Все шумели и удивлялись, как, каким чудом спасшийся второй, третий, пятый и шестой удивительно помолодели? Конечно, этому находили и благочестивое объяснение, ведь избавил не кто-нибудь, а Сам, коснувшийся во время причастия. Но именно с этих пор на Руси, а особенно в дикой глубинке, усилились слухи о том, что царь-де не настоящий. Говорили, будто бы место его занял двойник, клоун или даже виртуальная версия. Дичь эта довольно сильно задела и мою семью. Но об этом подробнее далее.

В тот день, когда Лимур Аркадьевич поведал о том сне, жил он уже в новом своём особняке, построенном на крутом скате под стенами старейшего в Сибири мужского Богородице-Андреевского монастыря в центре Томска. Скат этот или даже обрыв вёл к ветхой чисто томской слободе из покосившихся двухэтажных деревяшек столетней давности. Его твердыня возвышалась красным версальским флигелем с желтыми вставками по фасаду над убогой и депрессивной околицей в низине по улице 2-я Днищенская. За домом растягивались белые стены, над которыми картинно дыбились барочные вперемежку с византийскими колокольни и башенки монастыря с воинственными позолоченными крестами. Самый маленький из этих крестов, даже не позолоченный, венчал часовенку на месте чудесного обретения мощей старца Кузьмича – самого, как гласило предание, тайно устранившегося от мирского властительства и посвятившего свою жизнь духовным подвигам, императора Александра Благословенного. Мощи Кузьмича Томского были помещены не в часовне, а в главном храме в раке под тихо мерцающими и таинственно покачивающимися лампадами.

Так как дядин дом стоял чуть ниже белой стены, он казался её многоглазым стражником. Дядю и монастырь разделял узкий переулок Враженский. Вдоль этого проезда тянулся глухой забор с неприметной дверью, а от неё к дому через обрыв вёл мостик, внешне напоминавший те, что перебрасывались от крепостных ворот через рвы, в которые толпами валились шокированные неприветливостью татары.

Выходя по делам на свои крепостные подмости в момент, когда начинали гудеть, созывая народ на всенощную, колокола, дядя мой тихо не без гордости за своё обустройство улыбался и, если никто не видел, осенял себя крестным знаменем. А если видел, и особенно если был он после рюмочки, то просто слегка пританцовывал. По образованию он был физик, но в Господа верил истово и даже в молодости написал небольшой эзотерический труд, использованный впоследствии какой-то тоталитарной сектой, толпой ушедшей обустроиваться в тайге.

Где-то в казематах особняка у гаражей, где пахло коммунальным погребом, располагались заплесневевшие бункеры с ярусами солений, кочегарка с котлом и оскалившейся горкой угля. От всего этого хозяйства в дом вела узкая лестница, в начале которой таилась маленькая всегда закрытая на замок реакторная. Вот здесь переоблачались древние ересиархи, разоблачались и опять облачались хмельные поэтессы и седовласые лауреаты. Здесь была альфа недоказуемой истины и омега тончайшей лжи. Доктора математики и кандидаты невероятных наук соглашались со всем и тут же расставались навсегда, так и не записав ни строчки. Иными словами, вкус у самогона был незабываемый.

Лестница от реакторной вела круто вверх мимо малоприметной двери. За ней находилась самая маленькая, похожая на чулан, комната с единственным окном, выходящим в крепостной ров. Предназначалась она некогда для сумасшедшего музыканта, человека доброго и тихо певшего женским голосом звукоряд под фортепьяно. Когда музыкант ушёл вальсировать с Галиной Вишневской, её стали сдавать моим друзьям студентам из других городов, но потом все мы отучились и разъехались, а там поселился непринятый на послушание в Андреевский монастырь старичок Иван с массивной лысой головой как у татарина и реденькой бородкой дьячка.

Глаза у Ивана были ясные, голубые, чуть заплывшие, ноги – короткие и кривые как у наездника, лицо – обветренное, а руки – сильные как раз под снеговую лопату, которой он разбрасывал снег, расчищая дядюшкин склон и дорогу для свадебных кортежей, устремлявшихся к монастырю.

Не всегда в доме царили покой и согласие. В казематах под монастырским рвом случались и диспуты. В конце концов, нашла коса на камень. Поднял голову дворник Иван и сказал дядюшке моему, что всякое это оттуда идёт, от древних ересиархов, якобы таинство сотворения роду людского через богохульную панспермию занеслось.

– Что ты там болтаешь, божедурье? – смеялся над ним учёный мой дядя, покуривая на мосту над копошащемся во рву Иваном. – Наш православный Бог, да благословит его Аллах, науке не враг, но, так сказать, автор.

– Чевой-то несет, кландидат кландидатский? – вгрызался в снег человек божий.

– В центре галактики процессы протекают с бешеной скоростью, – разжёвывал дядюшка. – Вот где было творение. Взрывы сверхновых. И так началось у нас всё по божьему произволению и слову Писания. Никого не спросив, чиркнул Бог большой взрыв.

– Больно глазаст, а дурак, младоумен, – криво улыбаясь и рубая снег квадратами, кряхтел Иван. – А мене Илья иначе открыл, отчего зачался у нас белый свет, отчего зачалось солнце красное, отчего лягушки желтоперые зачались, бабочки-коршуны. Впрочем, никому...

– Что тебе Бог открыл, когда ты мне в огород ссышь в четыре утра? – ткнув себя пальцем в очки на переносице, вопрошал прокуратор с возвышения.

– Господня земля и исполнения ея, – возражал Иван и более робко втыкал лопату. – Илья мене открыл, что человек имел сотвориться чудесно и в супротив уставам и законам, которые ныне в мире суть. Бог поучает, а мы и слушаем.

– Ну чему тебя Бог поучает? – вздыхал Лимур Аркадьевич. – Ты больше пачки в день скуриваешь.

– Я «Примы» курю, а оно смиреннее всякаго воздержания.

Вторая за круговорот в природе яже суть

– А все о нем владыченька, владыченька, – бормотал огромный отец Вениамин Шахматов, стоя в ризнице в картонно-плотном литургическом облачении. Он макал китайскую бороду в разбавленное кипятком вино и сердился на архиерея за то, что тот устроил опричнину в епархиальном управлении, когда узнал, что он две недели ездит не на «Волге», а на «Ауди». Архиерейский секретарь, молодой повеса, ходивший в салон выбирать святительский автомобиль, сунул под нос владыке бумагу, а тот и подписал, но теперь уверял, что знать не знал о покупке для него машины представительского класса и что деньги требуется вернуть в епархиальную кассу. Владыка выписывал себе 230 рублей в неделю на пропитание и ел по-царски: пельмени с сёмгой, водка с серебром, рыбное заливное и лично референтом привезённые с Афона сыры и сухие кагоры для диабетиков. Когда палестинцы захватили храм Рождества Христова в Вифлееме, полиция стреляла в святыню, а томский владыка вещал с архиерейской кафедры надсадным голосом:

– Те самые люди, которые при Пилате воссмелились кричать: «распни его!», в наши дни уже всеоткрыто стреляют в храм его Рождества.

И вот что странно: владыка не то чтобы не любил дворника, по-своему верил ему, а не брал в послушники, лишь опасаясь, что юродивый начнёт его как-нибудь дразнить. Но стоило владыке наткнуться на Ивана в монастырском дворе, как старик стягивал шапку с лысины и приветственно кланялся.

– Бог благословит тебя, рабе божий Иоанне! Надень шапку-то. Чего студишься? – мычал князь церковный.

– Так ведь свет мене греет, владычко. Ночь мене осветляет. Грехи на память приходят. И писание приходит. И вся приходит. Сам мир увяда, ибо Илья иде.

– Всё это от протестантов. От еретиков, – махал на него элегантный волшебник посохом святого Макария. – Маран-афа они себя называют. В Кузьме беснуются. Вот и ты Кузьмич протестант. Волхв зороастрийский. Совсем весь в прелести со своими голубиными книгами, – хотел хвалить, но не мог сдержать обличительной силы архипастырь.

– А я никакой Кузьмич, – тихо, но сквозь зубы возражал дворник. – У мене иное отечество и вера моя православная. Что отцы предали – того держусь. Ты мене за грехи ругай, а вера моя голубока. Возьми на послушание, отче святы!

– Да ты ж раскольник. Или бывший экстрасенс какой, – едко говорил церковный князь в свою рыжую бороду. – Деньги вот тебе. Бери! Ступай с Богом, а о постриге и не мечтай, не то я тебя как постригу в Малодумара!

С этими словами он подавал старцу тысячу рублей, старик как бы хмелел от духовного разговора с самим апостолом и легкой поступью в больших валенках скрипел по тропинке, под которой на косогоре горбились крыши и заборы, и подвывала чья-то собака в вечерней густоте уютного сумрака. И казалось, что наравне, а может быть, ниже этого путника вилась, гнездилась утренняя звезда. Пространство звенело, звёздочки шевелились, рисовались. Это Иван шёл у монастырской стены и был как бы над всеми. И берёзовый привкус мороза над застывшими валами из бриллиантовой мишуры пьянил его.

Вдоль сугробов медленно пополз тёмно-синий «Фокстрот». Из него вышли две женщины. Подружка Тиффани и фарфоровая незнакомка. Всё на них было глянцевое, отороченное трепещущими перьями и соединенное цепочками, однако это не означало принадлежности к высшему свету, скорее наоборот – в приличных кругах кодекс неписаных правил исключает строгое следование моде. Они торопливо выскочили перед скрипящим по снегу Иваном, он открыл им дверь на мостик и провёл в дом и дальше крутой лестницей в свою глубокую келью.

– Все святые угодницы к Ивану, – прокашлял цепной пёс, высовывая нос из стылой будки с миской заледеневшей еды. – Того и смотри, помолодеет.

Кот Гитлер пробежал тайным ходом под стропилами, где шла большая игра, и чуть было не проболтался дяде, что за персоны у Ивана. Но коты не умеют говорить, только подглядывать.

– Пиковая дама! – бросил Червяковский, астролог-любитель, сотрудник какого-то института, похожий на смышлёного кокера.

– Ладно. Партия, – нехотя сдался Лимур Аркадьевич и на секундочку представил, что он Бог, и что Червяковский получает от него откровение.

– Я безумно боюсь золотистого плена, – тихо пропел Червяковский, привычно читая чужие мысли, а дядя мой улыбнулся своей елейной улыбкой и добавил:

– Да у тебя стафилококк и тот золотистый.

Они отошли к столику, деликатно сервированному профессором математики Небояркиным. Как и все они, он был актером старинного любительского театра в Доме учёных. Лохматый математик с одного из портретов в университетских коридорах знал толк в ношении бакенбард, понимал в гармонии, ведал пропорции и основания мира, поэтому на его лице как и в квадрате стола царила полная асимметрия. Соблазнительный беспорядок: жидкий алмаз, сотканный в аппарате с кипящим временем, трепетал в иссеченном рисунками графине, рыба предвыборного посула с киндзодзю и крупно молотым перцем молчала о чем-то на пару с жир-птицею гриль, напоминая Червяковскому о былых проигрышах математику, и он, проглатывая досаду, отыгрывался тонкими надругательствами над хозяином дома.

– Мистика кругом, – поднял рюмку Небояркин. – Взять того же Распутина.

– Распутина, – повторил Червяковский себе под нос, уже плетя невидимые паутинки, – Два...

– Да взять моего дворника, – вставил Мур. – Ведь такой же хлыст! Вот была с ним история.

– Валяй, – бросил доктор Тузовский, крупный усатый мужчина с выпирающим клетчатым брюхом, схваченным подтяжками, одиноко катая шары по сукну бильярда.

– Задолжал мне этот чудотворец как-то плату за месяц, – начал хозяин дома. – Я, конечно, скандалить не стал, а взял и написал ему записку на двери «Завтра 8000».

– Латифундист, – потирая ладоши, пожурил вечный Цукер.

– Кашей, – согласился Небояркин.

– На следующий день без всякой надежды сую руку в пиджак в парадной, – продолжал дядя Мур, – а там восемь тысяч бакинских – початая пачка долларов, перехваченная банковской лентой. Я ничего понять не могу, он же сирота без паспорта и прописки. Говорю Нанке: выгоняем! Валюту вот, при свидетелях сейчас верну. Без квартплаты естественно. А Нанка как бросится ко мне: Не гони человека! Выясняется, что внучка старшая пошалила и на записке знак баксов подрисовала. Нанка решила, что я одикообразился, сняла с моей книжки, добавила из своих, и мне в карман. Она, видите ли, давно уже за него нам платит.

– Круговорот прибылей в природе, – заметил Тузовский.

– Где-то потерял, от кого-то получил, – глянул в чужие карты арафатный Цукер.

– Вся чудеса сии в житие пойдут, – пророчествовал Червяковский. – Святый отче Иоанне, моли Бога о нас!

– Деньги-то я обратно положил, – продолжал дядя Мур. – Но у меня комиссия. Я говорю этому негодяю по-человечьи: ладно, та история на совести Нанки, ну сердце у неё доброе. А ты мне комиссию верни – три семьсот.

Червяковский и Небояркин переглянулись.

– А он мне на это: Бог тебя наказует, что ты, голуба, лимурствуешь лукаво! Мир тебе трясе. Амурство своё – или точнее свое – блюди, а я на лопату. Я аж присел, – краснел дядя,

рассказывая. – Говорю, ты мне эти скоморошества оставь, а комиссией подавись и свечек себе поставь за здоровье Анны Фёдоровны.

– А вы знаете, что дворник этот ваш никто иной как... Истинный. А тот, что в Кремле, – перекрестился Червяковский и окинул партнёров любопытствующим взглядом, – все знают, подменный.

– Астрологу больше не наливать, – сказал дядя.

– Бывает, – поддержал вечный Цукер. – Взять того же нашего Кузьмича Томского. Ведь любой дурак знает, что это сам тайно удалившийся от власти Александр I Благословенный.

– Человек иной раз покушается на высоты запредельные, – промазал Тузовский.

– Всё началось с Диоклетиана, – припомнил былое и Небояркин, закручивая пейсом бакенбард. – Это он всё бросил и уехал выращивать капусту. Пытался уйти и Грозный, но тому шиза не позволила. Хождение в народ, ведь целое явление в русской культуре. Как там? Брошу всё, отпущу себе бороду и бродягой пойду по Руси...

– Круговорот старцев в природе, – опять вставил Цукер. – Не стоит село без праведника.

– Вы мне святого Кузьмича с моим подкидышем не путайте, – посмотрел на него дядя. – Ну, есть маленькое сходство, не знаю, правда, в чём... Может, по числу конечностей?

– Могу помочь установить, – наконец-то попал Тузовский. – Как раз в НИИ этим занимаемся. Дочери самых рубиновых кровей обращались. Уточняли, нет ли у прокурорши родственных связей с бывшими. А то что-то она больно на Кшесинскую смахивает.

Небояркин скривился такому обороту, но на секунду потупился и брякнул:

– Да, проверить и забыть.

И тут не то, чтобы червь сомнения вкрался в дядину хмельную, но чистую голову. Ему вдруг стало как-то не по себе от самой постановки вопроса. Это же просто смешно! Но в то же время как-то жутко.

Хозяин громко хохотнул, как бы оценив байку, схватил пустой графин, выскочил на лестницу и побежал, будто за снадобьем. У дверей Ивана он столкнулся с прилично одетой гостьей ветхого постояльца и тут же стал маленьким кокетливым мальчиком.

– Не может быть! – схватился за сердце мой дядюшка. – Какие люди здесь ходят! Иван! А, Иван? Выходи, подлый трус. Что он с вами там делает?

– Привозносиво насилу красилует, – раздельно ответила ему незнакомка.

Дядя Мур раскатисто присвистнул.

– Услышав тонкий визг свистка легко перчатки перепутать, – сказала вторая дамочка и намёком выполнила реверанс, пытаясь обойти заполонившего пространство дядюшку.

– То есть вы считаете, что он – кто? – галантно маневрируя, интересовался враженский деспот.

Фарфоровая дама цокнула замочком и вытащила длиннейшую сигарету, демонстрируя независимость и как бы угрожая закурить её в помещении.

– Или что он вам даёт? – интересовался любезнейший тиран. – А не банчит ли старче Иоанне?

– Для народа? – уточнила белозубая и достала из муфточки крохотный браунинг. – Нет.

– Пожалуйста, не делайте этого! – взмолился дядя, но та уверенно щёлкнула курком и всё-таки подкурила. – Неужели так трудно потерпеть до улицы?

Иван появился в дверях и грустно посмотрел всей чистой голубизной своих глаз в искристое пространство Вакха как бы из затхлости старинного портрета.

– Ты чего это удумал? Ты под кого это подделываешься? – без всякой прелюдии оживился дядя Мур. – Строишь из себя святого, а между тем это халдейство! По рюмке? – переключился он на сударынь и потопал вниз по лестнице, побрякивая связкой ключей. – Форвертс! Мир фольген!

Гости открыли дверь и вошли в платяной шкаф. Большие цветастые птицы выпорхнули на подсвеченный фарами снегопад. «Фокстрот» медленно тронулся, и приземистое тело его поплыло, вращая серебристыми спицами, озаряя веерным светом заборы, сугробы и отваливаемый канализационный люк, где в клубящихся облаках блеснули два мужа в жилетах белее снега.

– Согласно Барту, миф – это похищенный язык, – медленно говорил таксист, погруженный в своё ремесло, – язык, в котором на смену реальности приходит её обозначение. Символы начинают жить своей жизнью.

На широком заднем сидении девушки суетливо раскладывали колоду карт с изображениями носатых дам, убитых королей и довольных чертей.

Дядя Мур же набрал графин и пошёл обратно. Взойдя по крутой лестнице, он постучался в келью затворника.

– Иван, завтра надо будет тебе со мной в клинику смотаться, – предупредил разоблачитель, приглаживая бровь. – С самого утра.

Испуганный старик приоткрыл дверь, но дядя Мур, напевая по-немецки партию лесного царя, уже восходил обратно туда, где среди важных его товарищей шла большая игра.

Третья за круги лекарския

К этому времени дядя Мур был болен неопределенностью – может или не может Иван быть тайно подмененным верховным хозяином? Первое что хотелось ему сделать, так это заесть тревогу, а потом поручить внучке установить видеонаблюдение и с любопытством предаться выжиданию.

– Иван, айда! – громко постучавшись в келью старца, скомандовал дядя и бодро поскакал вниз по узкой лестнице в гараж.

Когда дворник вышел через гаражную дверь в тёмное утро, слоноподобная 21-я «Волга» уже грелась. Машина слепила Ивана отраженным от снега светом, курилась выхлопами и выглядела вызывающе со своим нагло вывернутым колесом.

От слишком долгого моления в затхлой келье на сыроватом зимнем воздухе, попахивающем болотом, Иван почувствовал слабость, холод в ногах и лёгкое головокружение. Вместо палки он схватил подвернувшуюся снеговую лопату и прошествовал с ней как с посохом к поданному авто.

Между тем дядя Мур в норковом полушубке и ушанке хлопнул дверью и, подпрыгивая, поудобнее устроился за широким рулём тучной машины. Азартно покашливая движком, он дважды дёрнулся и встал как вкопанный.

– Негораздок, – комментировал дворник, влезая на задний диван.

– Куда ты с лопатой, дурачок? – проплакал опытный водитель.

– Кудыть без ней? – помялся Иван, но всё же выпихнул наружу черенок.

– Просто беда какая-то, – филином посмотрев по зеркалам, покатил дядюшка с крутой горки в провалы 2-й Днищенской.

Они вывернули из мерзости сожженных деревяшек на снежно-глинистую дорогу, где, уютно покачиваясь и переваливаясь, поплыли в оживлённое городское движение. На перекрёстке касатка влилась в роящийся косяк янтарных, алмазных и рубиновых огоньков предрассветного сумрака Красноармейской.

Дядя вёл виртуозно, представляя себя за штурвалом секретного бомбардировщика. Иван жался в углу, рассеянно глядя на купеческие шубы и шапки, скапливающихся на остановках женщин, а на светофоре – испугался прильнувшего рукавичками к его заиндевавшему окну сонного школьника. Двигающемуся в тесном строю дяде на секунду показалось, что он находится в составе кортежа, так что он пробормотал, сосредоточенно вытягивая подбородок, как бы думая вслух:

– И зачем ты не сел вперёд, лиходей?

Иван чуть сильнее опустил голову в воротник и стал больше походить на лишённого шеи царя Тишайшего, чем на ныне царствующего правителя.

– Сел бы со мной как все нормальные люди, – продолжал задумчиво укорять водитель опустившегося государя. – Совсем возгордился, отступник.

– Чего несешь?! – тут же гаркнул старик и чуть не вышел.

– Знаю я тебя, – усмехнулся с прищуром личный водитель и игриво пропел с таинственной уверенностью в голосе: – Знаю. Иванишь. Краснояришь. Ересиарх.

– А ты барыга, – вдруг рыкнул Иван, когда они уже поднимались в лифте в компании красавицы в пижаме. Дядя Мур рискнул сделать вид, что ей показалось.

– Запомни раз и навсегда, – невозмутимо давал дядя последние наставления, – никакой ты не старец. И уж тем более не... – осекся он. – А бродяга.

Они вошли в кабинет.

– Ну, какие дела? – по-свойски сказал дядя Мур. – Вот, привёл тебе для опытов, – засмеялся он невпопад, но обходительно.

Доктор небрежно вынул руку, чтобы ответить на рукопожатие, но тут же сунул кулаки обратно в карманы халата, и его мясистое, обветренное лицо заинтересовалось фигурой дворника, на которого он недолго смотрел как на товар, чуть раскачиваясь на тапках.

– А чем, собственно, обязан? – вдруг удивлённо спросил заведующий отделением институтской клиники у растерявшегося от такого поворота Лимура.

Коммивояжер вдруг устыдился самой мысли, что Тузовский – это светило сибирской науки – потом будет рассказывать в Доме учёных, с каким идиотским вопросом он к нему наведывался.

Победив малодушие, визитёр махнул рукой как вялый сеятель и ответил:

– Какой экземпляр! Настоящий выворотень.

– На кой шут он мне?

– А ты исследуй, – сказал дядя Мур, восстанавливая инициативу. – Ты человек великой интуиции. Светоч! Я и напоминать тебе не стану, что с ним не так. Если подозрения ваши верны – получим всю славу. Может быть, даже премию дадут, и я успокоюсь.

С этими словами дядя Мур сунул руку в полушубок и мастерски переместил из него в карман халата плоскую бутылку лимуровки с фирменной лично им придуманной этикеткой.

– Господи, что же мне с этим делать-то! – ещё раз окинул любитель всего благодарственного проницательным чуть заплывшим взглядом подарки снизу вверх. Ивановы широкие скулы, впалые морщинистые щеки и китайская бородёнка наконец заинтересовали его. – У меня сейчас скрининг идёт. Испытываем препарат бразильский. От бешенства. Может я его туда? А там – всё. И госпитализация, и кормим хорошо, и двадцать тысяч в придачу. Мне.

– И кровь берут?

– Шесть дней по десять заборов! – гордо ответил фармаколог. – А до этого ещё анализы.

– А установление родственных связей?

– Как? Мы же не институт генетики! – испугался заведующий. – Лимур, ты же образованный человек, – насупился он.

– Кое-кто вчера проболтался, что генетический анализ дочерям президента делал...

– Да вы раздевайтесь, – переполошился Тузовский, схватил Ивана под локоть и повёл к виселице с халатами. Даже снял с него ушанку и нахлобучил её на крюк, так что заблестела глянцевая лысина с мокрыми полосками последних волос. – Побывали, значит, в Китае, теперь им там и тут принцессы мерещатся...

Эскулап открыл поставец и достал подносец самой ажурной скани с хрустальными рюмками на ножках и вазочкой янтарной икры.

– Я-то, друг мой, за рулём. А вот ты, Иван, давай, – благословил дядюшка, не отводя глаз от угощения.

Доктор вытащил из кармана подарок, наполнил три рюмки до краев с шапочкой и деликатно снял с икры филигранную крышечку.

– Ну, – сказал он, осторожно подводя лекарство к усам, выпучил сводящиеся к носу глаза и выпил.

Иван перекрестился и тоже выпил. Фармаколог копнул ложкой икру и угостил ею дворника.

– Я одного понять не могу, – мгновенно проглотив свою порцию, обратился к дядюшке Тузовский. – Ты нам его насовсем даешь или на время?

– Кто ж такое добро насовсем отдаст? – возмутился дядя и тоже быстро воспользовался ложечкой. – Проверишь и назад.

– Не будем превращать закуску в еду. Ты либо пей, либо оставь. Всё же здравница.

– Как говорится, деньги лечат, – бросил дядя Мур, потрепал врача по плечу и стремительно потопал к двери.

– Так на что проверять-то? – крикнул вдогонку врач.

– А, – махнул рукой дядя. Он и сам не понял, почему обиделся на товарища – за выдающиеся глазки, тон или икру. – На что хочешь на то и проверяй. Заберу потом.

– Я давление ему проверю и градусник вставлю! – донеслось ещё ему вдогонку.

Когда дядя мой вышел, доктор выпил ещё раз и сел на край стола. Иван стоял в стороне у серванта, расставив валенки на ширину плеч, и хмуро смотрел куда-то под койку.

– Ну, Червяковский! – то ли хваля, то ли ругая, басил Тузовский, двигая мясистыми щеками. – Будет нам всем премия из-за него! И путевка в самую глушь поднебесную! Ну, Червяковский!

– Есмь червь, – сказал Иван.

– А вы, ведь взрослый человек, зачем всё это поддерживаете? – явно негодовал врач. – Скажите на милость.

Тузовский слез со стола, подошёл к старику и осветил ему фонариком в глаз.

– Я тут передачками про Циолковского увлекся, – осматривая старца, бормотал фармаколог своим густым как бы захлебывающимся от собственной важности басом. – Говорят, незадолго до смерти он сформулировал идею соответствующую парадоксу Ферми и предложил теорию зоопарка, по которой, как он выражается, совершенные животные небес не хотят иметь дела с нами, пока мы ещё не достаточно созрели.

Иван диковато покосился на врача и вновь потупился, ничем не содействуя и никак не препятствуя осмотру.

– Ведь вы человек божий, – сказал Тузовский. – Уж со мной-то чего тут ёжиться? Так вот скажите мне честно, что вы думаете о влиянии на человека существ иной более возвышенной природы. Константин Эдуардович считал, что были стадии куда более разряженной материи, которой могли соответствовать разумные существа нам сейчас недоступные и невидимые. Более того, этот старый фантазер допускал их проникновение в наш мозг и вмешательство в человеческие дела.

– Бесы! – ошетинился старичок. – Встань на колени, телеух! Молись! Кайся пред Богом и проси заступления у его пречистыя матери! Нам ли называть имена, суть коих неведома таким, как ты? Целковский твой известно – поляцкий еретик. Самого страшного не разумеешь!

– У нас с вами на склоне лет сложились совершенно разные представления о реальности, – возразил врач, стягивая со старика верблюжий свитер, надетый на голое тело.

– Богу вера нужна, а не суете дел мирских. Как верили святые отцы глубин – отче Иоанне Богословце и три святителя – так и нам подобает веровать.

– И Константин Эдуардович верил, и я верю. Только не в Бога, а в великую научную революцию в области медицины, которая продлит нашу жизнь, – охотно поддерживал разговор заведующий. – Если на нашем веку продлить жизнь на десятую долю, то у следующего поколения вдвое, а затем вдесятеро и, наконец, смерть станет явлением из ряда вон выходящим, а тысячи световых лет не такими уж недостижимыми пределами. И тогда среди этого лучистого человечества, этого нового народа божьего, существующего и путешествующего на энергетическом уровне будут указывать на откровение Циолковского.

Иван схватил одежду, выскочил из кабинета и, бесшумно топая в валенках по мраморному полу, промчался мимо лифтов к лестнице и засеменил по конструктивистским ступенькам.

– Тоже мне старец нашёлся! – бормотал дядя Мур по дороге домой. – Мракобес! Нанка к нему со всей душой, а он ей: нечего сидеть нога на ногу – нечистого качать. Тоже мне старец нашёлся! Еретик!

Старая «Волга», качаясь на ухабах, проехала по 2-ой Днищенской, с разгону взлетела на косогор и на отработанном повороте остановилась на площадке у гаражей под красным особняком.

Дядино настроение совсем испортилось, когда он увидел на снегу у гаража трафаретом нанесенные надписи, одна из которых гласила нечто подозрительное «ШУМУХЕР».

Четвертая за накаления страстныя

Иван стоял в толпе прохожих на проспекте Ленина и осматривал публику, будто кого-то потерял. На шее у него болталась почерневшая икона на веревке, и прохожие принимали его за попрошайку.

– Кошка! – властно рыкнул дядя Мур жене с порога.

– Котик! – своим особенным громким почти опереточным голосом отозвалась Анна Фёдоровна. Хозяйка говорила всегда, как бы иронизируя и потому особенно резко меняя интонации. – Обедать.

Она выключила грибной суп и вытащила сметану.

– Все сукины дети! – сказал дядя Мур, сбрасывая шапку и вешая полушубок. – Тузовский и Червяковский решили свести меня с ума.

– И как до этого дошло?

– Они оба утверждают, что глупый колдун, поселившийся у меня в доме, – возмущенно усаживался супруг за накрываемый стол. – Эти двое решили утверждать! Что он такой же настоящий, как святой старец Кузьмич, – быстро перекрестился дядя Мур и вытер бисером выступивший пот на лысине, когда перед ним на столе появился штоф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.